

Н. В. Островская

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aor71@yandex.ru

СПОСОБЫ ФОРМАЛЬНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА В ТЕКСТЕ ПЕТРОВСКО-ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ БИБЛИИ (1751 Г.) (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ БЫТИЯ И ДЕЯНИЙ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ)

Статья представляет сравнительный анализ морфологических функций глагольных приставок, зафиксированных в церковнославянском тексте Книги Бытия и Деяний Святых Апостолов (в составе Библии 1751 г.). Данный анализ показывает пути изменения видовой системы церковнославянского языка.

Ключевые слова: грамматическая категория, грамматическое значение, глагольный вид, аорист, имперфект, формальный признак.

The article represents some results of the comparative analysis of verbal prefixes used in the Church Slavonic text and the Greek original of Book of Genesis and Actions of Saint Apostles. The analysis shows the ways of change of the aspectual system during the history of Church Slavonic.

Keywords: grammatical category, grammatical meaning, verbal aspect, aorist, imperfect, formal trait.

Категория вида в славянских языках является одной из сложнейших глагольных категорий как в плане определения структуры видového значения, так и в плане характеристики способов его формального выражения. Система формальных показателей видového значения определена в грамматике славянского глагола, но при изучении видовременных систем различных языков или одного языка на разных этапах его развития становится очевидно, что данный набор не является постоянным, в различные эпохи видовые показатели меняются. О таком «динамическом подходе» к изучению тенденций развития славянских языков в рамках славянского исторического языкознания пишет И. Немец, подчеркивая, что обнаружить данные тенденции возможно «лишь в том случае, если языковые факты сравниваемых синхронных плоскостей изучаются, во-первых, не статически, а динамически (т. е. с учетом постоянной борьбы, существующей между отмирающими и нарождающимися элементами), а во-вторых, не изолированно, а комплексно (т. е. с учетом постоянного взаимодействия отдельных элементов –

составных частей в системе – целого)» [Немец, 1962. С. 265].

По утверждению автора, подобный комплексный и динамический подход может быть использован не только при изучении системы языка в целом, но и отдельных ее элементов, например видовременной системы глагола. В церковнославянском языке, как и в древнегреческом, одним из основных способов выражения значений глагольного вида, безусловно, является оппозиция форм аориста и имперфекта. О том, что категория вида варьируется в разных языках, пишет А. В. Бондарко, рассматривающий данную глагольную категорию с точки зрения оппозитивных и неопозитивных отношений: «В славянских языках категория вида основана на бинарной грамматической оппозиции. Иной структурный тип категории вида представлен в английском языке. Вид английского глагола как система форм прогрессива, основного и перфектного рядов включает отношения неопозитивного различия: оппозицию представляет лишь соотношение прогрессива и основного ряда; перфект же относится к иной плоскости. Сочетание оппозитивных и неопозитивных различий представлено также

в соотношении презентных, аористических и перфектных основ в древнегреческом языке» [Бондарко, 1983. С. 9].

Такое же неопозитивное различие глагольных основ представлено и в церковнославянском языке. Оппозиция же, выражающая собственно глагольный вид, т. е., по определению И. Немеца, «способность глагола выражать действие как совершенное (целостное, комплексное) или как несовершенное (нецелостное, некомплексное)» [Немец, 1962. С. 265], передается с помощью основ презенса и аориста. Данный способ передачи видовых значений является центром видовременной системы церковнославянского глагола, поскольку каждый глагол, выражающий действие в прошедшем времени, стоит либо в форме аориста, либо имперфекта, реже – перфекта. Употребление перфектных форм в изучаемых нами церковнославянских текстах контекстуально ограничено формой 2-го лица ед. числа.

Подобное «обязательное» употребление форм аориста и имперфекта соотносится с употреблением форм совершенного и несовершенного вида в современном русском языке, которые Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв характеризуют как грамматическую категорию. Авторы отмечают, что поскольку вид в русском языке является грамматической категорией, то его выражение обязательно, т. е. любой глагол в предложении «мы должны употребить в форме совершенного или несовершенного вида – даже если мы не имели в виду передать ни один из тех смыслов, которые могут выражаться категорией вида» [Зализняк, Шмелёв, 2000. С. 1]. Подобной грамматичностью, безусловно, обладают и формы прошедших времен в церковнославянском языке, прежде всего формы аориста и имперфекта, поскольку, относя действие в план прошлого, говорящий или пишущий должен был употребить глагол в форме одного из указанных прошедших времен.

Сложность изучения видовременной системы церковнославянского глагола заключается в ее неоднородности с точки зрения способов выражения видового значения, в то время как определение самого значения остается практически неизменным как для современного русского языка, так и для церковнославянского. Достаточно сравнить те признаки, которые выделяют различные исследователи при определении

совершенного и несовершенного вида с признаками аориста и имперфекта.

Признаки несовершенного вида: длительность, процессуальность, кратность, узуальность действия.

Признаки имперфекта: длительность действия; неопределенная длительность единичного или повторяющегося действия, повторяемость действия, обычность действия.

Признаки совершенного вида: сосредоточенность на пределе в протекании действия, непротяженность / недлительность действия, комплексность, целостность, сосредоточенность, точечность действия, временная локализованность действия, определенность действия по отношению к протеканию во времени, результативность действия, начальность действия, законченность действия, переход в новое состояние.

Признаки аориста: предельность, ограниченная длительность, нерасчлененность, целостность, суммарность, собирательность, сосредоточенность, точечность действия, фактичность действия, результативность действия, законченность начального момента действия, законченность, наступательность, одноактность действия.

Сравнение всех вышеуказанных признаков, взятых из определений, сформулированных разными исследователями, показывает, что речь идет практически об одних и тех же значениях, но выраженных различными способами.

Кроме форм аориста и имперфекта, в церковнославянском языке существует набор глагольных приставок, также способных передавать видовые значения. Данный способ является основным в современном русском языке. Характер соотношения двух вышеуказанных способов передачи видовых значений в пределах одного текста становится доступным для анализа при сопоставлении приставочных и бесприставочных глагольных форм церковнославянского языка. Подобное соотношение можно представить на примере нескольких бесприставочных глаголов, имеющих в изучаемых нами текстах Книги Бытия и Деяний Святых Апостолов приставочные соответствия: $\text{y}^{\text{m}}\text{d}\text{e} - \text{i}^{\text{i}}\text{y}^{\text{f}}\text{d}\text{e}, \text{n}\text{i}^{\text{f}}\text{d}\text{e}; \text{a}\text{a}\text{d}\text{e} - \text{i}^{\text{i}}\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}, \text{^}\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}, \text{i}^{\text{i}}\text{d}\text{a}\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}, \text{i}^{\text{i}}\text{d}\text{i}\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}, \text{i}^{\text{i}}\text{d}\text{i}^{\text{i}}\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}. \text{n}\text{e}\text{u}^{\text{f}}\text{d}\text{a}\text{d}\text{e} - \text{u}\text{e}\text{u}^{\text{f}}\text{d}\text{a}\text{d}\text{e}; \text{n}\text{i}^{\text{f}}\text{a}\text{d}\text{e}\text{d}\text{e}; \text{n}\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}\text{d}\text{e}.$

Форма аориста глагола $\text{a}\text{a}\text{d}\text{e}$ зафиксирована в изучаемых текстах 61 раз. Она может

передавать греческую форму аориста либо перфекта от глагола **δίδομι** ‘дать’, форму аориста от греческого приставочного глагола **ἀπο-καθίστημι** со значением ‘возвращать’. В древнегреческом языке приставка **ἀπο-** имеет значение удаления от чего-либо. Кроме того, форма аориста глагола **ἀάθη** переводит соответствующую форму глагола **τίθημι** ‘класть, полагать, ставить’, которая встречается в следующем контексте: **Ἐοἰῶν ἡ δὲ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 42. 17), что соответствует современному выражению *отдать под стражу*. Форма **ἀάθῃ** переводит греческую форму аориста **περιτίθηκα** от глагола **περι-τίθημι** ‘налагать, надевать’: **Ἐ ἀάθῃ ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 24. 47). Кроме того, аорист **ἀάθη** может переводить форму **παρέδωκεν** от глагола **παρ-δίδομι** ‘передавать’: **Ἐ ἀάθη ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 27. 20).

Эту же греческую форму может передавать и аорист приставочного глагола **ἰδῶ** от глагола **ἰδῶ**: **Ἐ ἀάθη ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 14. 20), но данный глагол может передавать и форму **επέτρεψεν** от греческого приставочного глагола **ἐπι-τρέπω** ‘вверять, предоставлять’: **Ἐ ἰδῶ ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 39. 6). Близкое значение передается глаголом **ἰδῶ**: **Ἐ ἰδῶ ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 29. 33). Здесь употреблена форма аориста от греческого глагола **προσδίδομι** ‘придавать, прибавлять’.

Приставка **ἀ-** также находит свое греческое соответствие: форма **ἀάθη** переводит греческие формы **ἀλέδωκεν, ἀλέδοτο**, вторая из которых является формой медиального аориста от глагола **ἀπο-δίδομι** ‘отдавать, возвращать’: **Ἐ οἰῶν ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 25. 33). Этот греческий глагол переводится на церковнославянский язык и глаголом **ἰδῶ**, например: **Ἐ ἰδῶ ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη**

(Б. 37. 28); **Ἐ ἀάθη ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 37. 36). Очевидно, что контексты здесь одинаковы, в другом контексте аорист **ἰδῶ** переводит форму **πελάσκειν** от **πιπράσκω** ‘продавать’.

Церковнославянский глагол с приставкой **ἀ-** зафиксирован в тексте 4 раза, с его помощью переводятся греческие бесприставочные формы **δέδωκα, ἔδωκεν**. В трех случаях форма аориста **ἀάθη** встречается в сочетании **ἀάθη δὲ δὲ**, и в одном случае данный контекст лишь подразумевается: **Ἐ ἀάθη ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (καὶ ἔδωκεν τῷ Ἰακωβ τοὺς θεοὺς τοὺς ἄλλοτρίους), **Ἐ ἀάθη ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (Б. 35. 4).

Формы аориста от глагола **ἔσθιμι** переводят формы аориста греческого глагола **ἐσθίω** ‘есть’. В греческом тексте от данного глагола может образовываться как простой, так и сигматический аорист. В большинстве случаев форма аориста употребляется в сочетании с глаголом **ἔσθιμι**, образуя устойчивое единство, например: **Ἐ οἰῶν ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (καὶ ἔφαγον καὶ ἔπιον) (Б. 31. 46). **Ἐ οἰῶν ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (καὶ ἔφαγον καὶ ἔπιον) (Б. 26. 30). Употребляясь либо в ряду других форм, либо как отдельный глагол в простом предложении, форма аориста обозначает действие как факт в прошлом, без какого-либо указания на его продолжительность. Формы имперфекта от данного глагола встречаются только в двух случаях: в придаточном определительном предложении, а также в эпизоде, когда главный хлебодар рассказывает Иосифу свой сон. Здесь форма имперфекта употреблена в ряду форм настоящего времени и передает план настоящего исторического: **Ἐ οἰῶν ἡ ἀάθη ἵα δὲ δὲ ἀάθη** (καὶ ἔφαγον καὶ ἔπιον) (Б. 40. 16–17). Церковнославянский глагол **ἔσθιμι** здесь переводит греческий приставочный глагол **κατεσθίω** ‘съесть’. В данном фрагменте церковнославянского текста законченность действия выражена только формой аориста, а в греческом тек-

сте – приставкой *κατα-* и одновременно формой аориста.

В двух контекстах форма аориста греческого приставочного глагола *κατεσθίω* ‘съесть’ передается формой аориста глагола *īīŷīðè*, например: *èL īīŷāīðà nāāī ŷ ēðāāŷ ŷēŷŷ èL óóāŷŷ òEēānŷ2nāāī ŷ ēðāāŷ āīāðŷŷŷ āēāīī ŷ èL èçāðāīīŷŷŷ òEēānŷ2* (Б. 41. 4), в трех контекстах – формой глагола *ñīEñðè*, например: *zāEðŷ ēpðŷ ñīEāāKāīK* (Б. 37. 20). В данном случае имеет место соответствие приставочных и бесприставочных глаголов в греческом и славянском текстах.

Аорист глагола *ñēŷŷāðè* зафиксирован в текстах 22 раза, в десяти из них он передает соответствующую форму греческого глагола *ἀκοῦω* ‘слышать’, а в двух – форму перфекта этого же глагола. Форма аориста глагола *ñēŷŷāðè* встречается в текстах 14 раз, и только в трех контекстах она переводит формы греческих приставочных глаголов: в двух случаях – форму глагола *ἐπι-ακοῦω* ‘услышать’, например: *īīī ŷīóīæā āāŷ ðāðèðŷŷ, è3 ŷēŷŷā p5 āāŷ, è3 ^āāðçā ŷðŷīāó āŷ2* (Б. 30. 22); в одном случае – форму аориста глагола *εἰσ-ακοῦω* ‘слушать, внимать, слушаться’, например: *ñēŷŷā æā āāŷ āēāñŷŷ ŷðŷīāðā ^ īEñðà, èzEāā āŷŷā*. (Б. 21. 17). Данный факт свидетельствует о том, что в славянском тексте приставка играет роль выражения видового значения глагола, а именно – значения совершённости, результативности действия, которое в греческом тексте передается в большинстве случаев только формой аориста.

В анализируемых нами текстах отсутствуют бесприставочные формы глаголов *ñīāðEøèðè* и *ñāāðèðè*, но очевидно, что формы *āðEøèðè* и *āāðèðè* существуют и в церковнославянском, и в современном русском языках, поэтому данные глаголы могут быть приведены в качестве примеров, подтверждающих, что глагольные приставки в церковнославянских текстах могут выполнять функцию видового форманта. Глагол *ñīāðEøèðè* переводит греческий глагол *ἀμαρτάνω* ‘ошибаться, заблуждаться, грешить’, а глагол *ñāāðèðè* – греческий глагол *ἔψω* ‘варить’.

В данной статье представлена небольшая часть глаголов, встречающихся в исследуемых текстах, но, даже исходя из этого фак-

тического материала, можно сделать вывод о том, что категория вида, представленная в глагольной системе церковнославянского языка, неоднородна.

В. В. Колесов отмечает важную черту в самой сущности грамматических категорий вида и залога, определяющую методологический подход к их изучению: «Это категории языка, – пишет ученый, – которые, постоянно изменяясь, никогда не завершают своего изменения, поскольку связаны непосредственно с самыми гибкими и изменчивыми категориями мысли, и факт постоянных преобразований вида и залога, отражающих в сознании человека объективную реальность бытия, свидетельствует о том, что язык активно развивается, что он по-прежнему «живой» и может служить человеку в его творческой деятельности.

Одновременно это значит, что описывать категории залога и вида можно только в исторической перспективе их развития: на синхронном уровне эти категории внутренне противоречивы и точному описанию не поддаются, вызывая самые разные суждения и теории» [Колесов, 2005. С. 512].

Таким образом, в системе церковнославянского языка, представленной в изучаемых текстах, имеет место пересечение двух способов выражения видовых значений: с помощью противопоставления форм аориста и презенса, а также иных грамматических формантов, прежде всего, противопоставления приставочных и бесприставочных глаголов. Оба способа передачи видовых значений могут совмещаться в одной глагольной форме, создавая «дублетность формы». Примером такой дублетности может служить употребление глагола *ñāāðèðè* в форме аориста: форма *ñāāðèðè* выражает видовое значение дважды, а именно – с помощью приставки и формы аориста. Приставки как способ выражения видового значения находятся на периферии глагольной системы церковнославянского языка. Глагольные приставки, часто соответствующие греческим, продолжают выполнять прежде всего лексическую функцию, но их роль в системе выражения грамматической категории глагольного вида меняется. Наличие глаголов с приставками, выражающими видовое значение, может служить одним из формальных критериев анализа церковнославянских и древнерусских текстов с целью определить

тенденции развития видовременных систем данных языков в различные эпохи их существования.

Список литературы

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 205 с.

Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000. 221 с.

Колесов В. В. История русского литературного языка. М.; СПб., 2005. 669 с.

Немец И. Генезис славянской видовой системы // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 437 с.

Материал поступил в редколлегию 12.11.2007